

18+

Наталья Комиссарова

Преображение

The background of the cover is a painting of a cityscape, likely St. Petersburg, at dusk or dawn. The central focus is a large, classical-style building with a prominent golden dome. To the right, a tall, dark monument is visible. The foreground shows a paved walkway with several stanchions connected by a blue rope, suggesting a restricted access area. The overall mood is serene and historical.

Наталья Комиссарова

Преображение

«Издательские решения»

Комиссарова Н.

Преображение / Н. Комиссарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983191-0

Книга-размышление, книга-поиск, поиск опоры, для тех, кто ведет поиск света внутри себя и повсюду в окружающем пространстве. Преображаясь от страницы к странице, Автор ведет разговор со своим читателем и ведет его за собой в мир, где живет гармония, радость, вера, надежда и любовь.

ISBN 978-5-44-983191-0

© Комиссарова Н.
© Издательские решения

Содержание

Приветствую тебя, мой Друг!	6
Рассказы	7
Не замерзай...	7
Старец	11
Девушка	13
Прощение	14
Икона	16
Поэма Яснозорька	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Преображение

Наталья Комиссарова

© Наталья Комиссарова, 2020

ISBN 978-5-4498-3191-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приветствую тебя, мой Друг!

Приветствую Вас, мои читатели, мои друзья!

Приглашаю Вас в путешествие в необычный, мистический мир вне времени и пространства.

Эта Книга – размышление, книга – поиск, поиск опоры, поиск души, разговор разума, игра на уровне чувств.

Эта книга для тех, кто ведет поиск света внутри себя и повсюду в окружающем пространстве. Преображаясь от страницы к странице мы пойдем вместе одной дорогой, в мир, где живет гармония, радость, вера, надежда и любовь.

Наадеюсь, у Вас останутся приятные ощущения и Вам захочется вернуться в него снова.

Приятного путешесствия!

Рассказы

Не замерзай...

В один из хмурых сентябрьских дней, когда дождь лил целыми днями, хозяин вернулся с работы позже, чем обычно. Я привык к голосам соседских детей, которых приводили из сада домой, и они шумно щебетали на лестничной площадке, наперебой обсуждая свои приключения за день, прежде, чем попадут в квартиру. Их мама, очень интеллигентная женщина, неторопливо доставала из сумочки ключи, аккуратно проворачивала их в замке и, открыв дверь, заводила своих птенцов в дом. Я так слышал. В этот момент я всегда здоровался с ними из-за двери, своим приветствием давая им понять, как мне они симпатичны, а они отвечали мне, я знаю, потому что я слышал своё имя, потом их весёлый детский смех. Дальше я уже не совсем четко понимал, о чем они говорят, потому что дверь закрывалась.

Хозяин вернулся мрачный. Он и раньше приходил с работы не совсем веселый, а в этот день было заметно, что он был чем-то особенно опечален. Я ждал его возле двери, конечно, мы поздоровались, он погладил меня своей рукой и, присев, посмотрел прямо в глаза. Наверное сейчас он поведёт меня на прогулку, подумал я. Но он не особенно торопился. Тогда я понял, что мне нужно ему объяснить, как мне важно скорее на свежий воздух, как хочется вырваться на свободу, бежать, вдыхая влажный воздух, срезая капли дождя на бегу, как я соскучился по своим друзьям, ведь они сейчас тоже где-то там, ждут меня, может даже волнуются, где это я запропостился. Мой хозяин нацепил на меня поводок, почему-то грустно вздохнул, и мы пошли.

На улице, завернув за угол дома и перейдя проезжую часть, мы довольно быстро пришли на «наше» место. Это была небольшая лесопосадка, оставшись нетронутой при строительстве новых домов, стала нашим любимым пристанищем, где мы, как и многие другие, проводили своё свободное время. Ох, как же я люблю, когда хозяин играет со мной. В этот момент я понимаю, что он для меня действительно друг, с которым мне интересно и весело, ради которого я смог бы вытерпеть все на свете. В эти минуты он для меня Андрей, хотя все называют его Андрей Петрович. Да, я знаю, он важный человек, его уважают, на работе многие люди его окружают, но дома у него есть только я.

Сказать по правде, я даже и рад, что у него есть только я. Но как-то на прогулке один из моих приятелей намекнул мне, как слышал разговор своего хозяина с женой о том, как плохо, что Андрей Петрович совсем один, что наверное поэтому он так сильно заболел, я ещё возмутился тогда, как так, да что это ты говоришь такое, ты, мой друг, наверное ошибся, ты услышал что-то другое, тебе показалось. Но он в ответ тихо пролаял, думай как хочешь, я лишь передал, что услышал.

Я думал об этом недолго. Вон ведь как весело он со мной играет, бросает мне тарелки, я их ловлю, за мячом бегаю со мной вместе, призывает отобрать у него, сам отбирает, он совершенно здоров, думал я, это просто пустая болтовня. Наверное Джек мне просто завидует. У него всего-то выделенный уголок, ему не разрешают забираться на диван и перемещаться по квартире, куда пожелаешь. А я рассказывал ему, как много у меня места и мне ничего не запрещают, почти ничего. Так я и решил, страшного ничего нет и быть не может. Ведь Андрей ещё совсем молодой, в самом расцвете сил.

Я не особенно понимал, что он так тщательно изучает в каких-то бумагах, только его слова: «ну ничего, как-нибудь справимся», обращённые ко мне, вызвали во мне волнение.

– Придумаем что-нибудь, да? – говорил Андрей.

Я подошёл тогда к нему, сел напротив и заглянул прямо в глаза. Он погладил меня по голове, он знает, как я люблю, а после вздохнул. Взял пачку сигарет и, подойдя к окну, закурил.

– Я поговорю с Аней, она хорошая, дети у неё такие смешные, добрые, ты с ними подружисься.

– Нет, – пролаял ему в ответ я.

Он обернулся, посмотрел на меня и затаился своим дымом. Странное дело, я так привык, что уже перестал испытывать отвращение к этой его пагубной привычке. И что они находят в этом, люди, никак не мог понять я.

– Не волнуйся, это ненадолго, – сказал он, – может пару дней.

Но по виду хозяина я понимал, что все гораздо серьезнее и моё пребывание у соседей, если те согласятся, может подзатянуться. Чуть позже мы пошли гулять. Я, как обычно, принёс Андрею перчатки, которые сохли на батарее, он потрепал меня в благодарность по спине:

– Спасибо, дружище, я как всегда, забыл.

Мы гуляли с ним недолго, ветер и дождь, быстро намочивший меня, сделали своё дело. Встретились мы только с Джеком, но долгого разговора не получилось. Он лишь успел сообщить, что он с хозяевами едет на дачу, и они пробудут там пару дней. Я пожелал ему хорошо провести время и не скучать, погонять там местных котов и возвращаться поскорее.

Серые осенние дни, один на другой похожие, проходили как во сне, потому что целыми днями я то и дело спал в ожидании Андрея с работы. Он приходил, рассказывал мне свои новости, как и с кем он общается, как продвигаются его дела, что начальство подгоняет, сроки поджимают, что многое не от него зависит, и он порой является заложником обстоятельств.

Я сочувственно смотрел на него, иногда давал советы:

– Не стоит, не волнуйся, ты начинаешь больше курить, а это плохо.

Думаю, он понимал, о чем я ему говорил, потому что тут же тушил сигарету и долго не закуривал следующую. Наступил тот день, когда он должен был лечь в больницу. Меня согласилась приютить соседка Аня, дети которой всегда так весело приветствовали меня из-за двери. Но я, стоило мне только ступить к ним на порог, почувствовал, что этот дом, несмотря на счастливые лица детей при виде меня, никогда не станет моим домом. Я развернулся и выбежал из их квартиры. Сколько Андрей ни пытался вернуть меня, ему это так и не удалось. Его уговоры не помогли, и он, поняв, что все это бесполезно, остановил и детей, пытавшихся завлечь меня к себе домой.

– Что ж, пусть остаётся в привычном ему доме, там, где он хозяин. – сказал он.

Дальше он рассказал, чем меня кормить и когда выводить на прогулку. Аня смотрела то на меня, то на Андрея, кивая головой. Когда Андрей уехал, начались мои самые грустные дни. Даже несмотря на хорошую еду, да, готовила Анна великолепно, надо признать, ничто не могло успокоить меня и развеять тоску, которая все больше овладевала мной.

Прогулки были короткие, я бегал по первому снегу, ловил снежинки, вдыхал морозный воздух и вспомнил вдруг о перчатках хозяина. Он забыл их. И это неудивительно, он так торопился, волновался, что в той суете я совсем забыл принести их ему. Джек рассказывал о том, что езда в их новой машине совершенно отвратительна, что она доставляет ему массу неприятных ощущений, но та свобода, которую он получает по приезду на дачу, стоит того. Он так часто говорил мне об этом, что я призадумался.

А ведь я никогда не знал, что такое свобода. Мне стало интересно, что это такое, что означает это слово – свобода? Андрей стал частью моей жизни, частью меня, а может быть, наоборот, это я стал частью его жизни, не важно, но я с каждым днём ощущал все больше и сильнее отсутствие Андрея, как самой главной составляющей моей жизни. Тоска завладела мною совершенно. Я нашёл на батарее его перчатки, принёс и положил рядом с собой. Я целыми днями смотрел на них, вспоминая, как нам было хорошо вместе.

Однажды, после прогулки, когда Анна привела меня домой, её отвлекли телефонным звонком, она вышла, не закрыв дверь на ключ. Каким-то своим внутренним чутьем я уловил привкус того самого слова, над разгадкой которого я какое-то время был озадачен, до тех пор, пока не заскучал по хозяину сверх меры. Я решил во что бы то ни стало найти Андрея. Вот она, свобода. Он обещал всего на несколько дней оставить меня, прошло уже две недели, а он все не возвращался. По запаху, который я узнаю из тысячи, я легко сориентировался в пространстве. Интуитивно выбрав направление, я побежал. Бежал я долго, запах становился все сильнее, я ощущал его все отчетливее. Была уже глубокая ночь, машин было меньше, люди встречались реже, а я все бежал. Наконец, запах моего Андрея стал настолько отчетливым, что я замедлил темп. Свет в окнах домов уже погас, горели огни придорожных фонарей, я решил, что в этой тишине меня обязательно услышит Андрей, он узнает, что я здесь и обязательно выйдет ко мне.

– Я здесь, Андрей, я пришёл к тебе, слышишь? – пролаял я. Но в ответ я не услышал ни звука. Да, сейчас ночь, видимо, все спят и Андрей тоже, но он мой друг, я – его друг, а друзья всегда должны быть вместе. Я решил позвать погромче: – Слышишь, Андрей? Я здесь!

Я постарался пролаять протяжнее. В некоторых окнах зажегся свет, из одного на меня кричали, кажется, нехорошие слова, я понял, что людям это не очень нравится. Я решил дождаться утра, там мне будет проще все разузнать. Разыскав местечко потеплее, я устроился на ночлег. Тогда я ещё не знал, сколько ночей мне придётся провести здесь, в подвальном помещении, где тёплые трубы спасали меня от холода. Я уже несколько дней ничего не ел, жажду я утолял снегом. Я сидел под окнами того здания и до тех пор, пока меня не прогоняли, звал своего Андрея. Я знал, что он был там, я чувствовал это и не мог ошибаться.

Из окон на меня смотрели глаза разных, чужих мне людей. Я всматривался в их лица, надеясь узнать в них Андрея, но ни один из этих людей не был им.

Мне стали приносить еду. Я благодарил, как мог, давал себя погладить и иногда спрашивал: – Вы не видели моего хозяина? Его зовут Андрей. Он здесь, в этой больнице.

Но почему-то вместо ответа люди быстро уходили, словно совсем не понимали, о чем я говорю. И вот однажды мороз ударил жуткий, терпеть его было невыносимо. Холод сковывал все моё тело, моя шерсть уже не могла меня согреть, мне нужно было вернуться в подвал, отогреться возле трубы, но я для себя решил, во что бы то ни стало днём ждать появления Андрея. Я присел, холод быстро сковал мои лапы, я не мог произнести ни слова, только одно я прокричал, пролаяв изо всех сил:

– Андрееййй!

Глаза мои постепенно закрывались, я все меньше ощущал холод, пока в какой-то момент вовсе не перестал его чувствовать. Какой-то сладостный сон погрузил меня в мир, где я видел все в чудном свете. Я уснул. Я полетел...

*** – Вы удивительный человек, только перевелись из реанимации, а вам подавай домой. О чем вы говорите? Андрей Петрович, как вы себе это представляете? – возмущению лечащего врача не было предела.

– Мне очень нужно домой. – сказал Андрей.

– Что у вас там? Кто у вас там? Вы о себе должны подумать, ведь то, что вы перенесли сложнейшую операцию, ещё только самое начало, вам предстоит большой путь реабилитации, – вновь сказал доктор.

– У меня там...

– Что? Ну вот что? Жена, дети? Так ведь знаю, что нет. Что же тогда?

Андрей больно вздохнул, прикрыл глаза и сквозь боль проговорил:

– У меня там Друг.

– Что? Друг? Какой ещё такой друг? Подумаешь, друг. Нет, я, конечно, все понимаю, друг это очень, очень важно, но он, я вас уверяю, проживёт и без вас, а вот вы...

– Нет, – не дал ему договорить Андрей, – он без меня не проживёт!

Доктор провёл рукой по подбородку, посмотрел на Андрея внимательно, оценивая его физическое и психическое состояние с учетом операции, которую ему довелось перенести и тихо произнёс:

– Да... тяжелый случай. После чего развернулся и пошёл к двери.

– Поправляйтесь, больной, – сказал он, выходя из палаты.

Все чувства и мысли смешались, спутались. Так Андрей не чувствовал себя никогда. С одной стороны, радость от того, что все позади и оказалось не настолько страшно, как предполагалось. С другой стороны, внутри сверлила какая-то неуловимая мысль, что это за мысль, Андрей и сам толком не мог понять, лишь чувствовал, что это как-то связано с его Другом.

Выпал снег, мороз посеребрил деревья, солнце сияло в чистом голубом небе. В этот день Андрей решил непременно выйти на улицу, пусть на пять минут, но на свежий воздух, так приучил его любимый пёс, и он, проведя больше двух недель в больничной палате, ощущал словно ломку. Он не спеша спустился по ступенькам вниз и вышел на улицу. Пройдя метров десять, он остановился как вкопанный. Внутри себя он вдруг почувствовал спазм, дыхание сбилось. Там, прямо перед ним, на пешеходной дорожке лежал весь усыпанный снегом, его Друг. Он бросился к нему, прихрамывая. Сколько мыслей пронеслось в этот момент в его голове. Сколько он здесь? Жив ли он? Как так случилось, что он оказался здесь? Что там произошло, как он сбежал? Перчатки... О, Боже, в лапах лежавшего на снегу пса были зажаты две его перчатки.

– Милый, дорогой мой Друг, я ведь не бросил тебя, нет. Я бы никогда не бросил тебя...

Андрей кинулся к Другу, стал обнимать его, пытаясь согреть своим теплом, но ни одного движения в ответ так и не услышал. Он проверил его дыхание, но не смог понять, да разве в этом волнении можно что-то понять. Он попытался растереть лапы, голову, но в ответ снова неизменная тишина. Подошли врачи, приехавшие на смену... Все последующие события происходили помимо воли и сознания Андрея. Он не помнил потом, как оказался снова в палате, как сквозь сон менялись лица медсестёр, врачей, санитарок, как менялись капельницы, как он терял этот мир и возвращался снова. И каждый раз, когда он приходил в себя, он говорил:

– Там Друг...

– Что с Другом?

– Спасите Друга...

Однажды утром я открыл глаза. Странно, никогда ещё я не был в таком ослепительно белом месте. Что это? Собачий рай? Значит, он существует? Значит, я в раю?

Снова наступал сон.

***

Но в один из дней, когда я открыл глаза, я увидел перед собой Андрея. Он разговаривал с доктором, тот говорил ему о том, как они, узнав, чья я собака, спасали меня.

– У вас очень крепкий пёс. – сказал доктор.

– Друг. Это мой Друг. – поправил Андрей, надевая перчатки – самый лучший на свете Друг.

Как хорошо зимой, когда у тебя есть дом и тебе есть к кому в нем вернуться.

Андрей бросал мне тарелки, я ловил их и мчал к нему изо всех сил, снег разлетался от моих лап в разные стороны. И мне не важно, что лапы мои немного подморожены, главное, чтобы Андрей не замерзал.

Старец

Человек шел наугад, не зная пути, при этом он уже и не понимал, он идет прямо или кругами. Он понимал, что заблудился, чувствовал усталость, ведь двигался безостановочно днем и ночью, стремясь скорее дойти. В тот момент, когда ноги потихоньку стали подкашиваться от усталости, когда казалось, что вот-вот и он упадет, вдруг впереди, где-то на окраине, замерцал огонек. Человек не молодой и не старый, бывает, смотришь и трудно определить возраст, то ли хорошо сохранился, оттого моложавый на вид, а то ли слишком рано повзрослел, довольно крепкий и мужественный. Он ускорил шаг, надежда так окрылила его, что, казалось, он летел, а не шел, летел, как мотыльки летят на пламя.

Подойдя ближе, он увидел дом, который стоял на холме, и из окна его лился наружу яркий свет. Он подошел, постучался, и когда дверь открылась, в этой кромешной тьме стало мигом светло как от солнца. Мужчина зашел в дом и, заходя, держал взгляд с открывшим ему седовласым стариком, на доброе лицо которого упал свет. В нем неожиданно для себя он обнаружил невероятное сходство со своим папой. В доме, как он успел заметить, было скромно, но очень тепло и на душе у него стало внезапно тихо, спокойно, словно он попал в свой собственный дом.

В его глазах читался безмолвный вопрос «Папа?». «Да, сынок, заходи, будь, как дома, – ответил ему старец, который казался своим, родным, таким знакомым, даже мысль, «а не чудится ли мне это все?» промелькнула в голове у замерзшего и уставшего путника, оказавшегося где-то во тьме, в какой-то неизвестной ему степи, гонимого страхом ночным, но при этом уловившего родные черты в гостеприимном хозяине. Старец, так по-доброму приютивший заблудившегося человека, впусивший его в столь поздний час в свой дом, накрыл на стол, вероятно положив все самое лучшее, что было у него в доме, заварил горячего чая, с травами, ароматного, сладкого, с медом, а там потихоньку ожила их беседа.

Говорили они долго, и, выговариваясь, мужчина, как будто высвобождая место внутри себя для чего-то нового, для знаний, которым давно пора было войти в это вместилище, разум жаждал света, но источника в городе, где он жил, ему не довелось найти. Потихоньку, извлекая из глубин своей души, сам, без лишних вопросов, не молодой, но и не старый человек, окаменевшие от времени воспоминания, состоящие из событий его жизни, так сильно запутавшиеся в клубок и приведшие его сейчас в это самое место, неведомым для себя образом, лишь немного направляемый некоторыми нехитрыми высказываниями седого старика, он вдруг стал потихоньку видеть дальнейший свой путь.

И самое главное заключалось в том, что этот путь был не один, их было бесчисленное множество. Путник понял, что этот дедушка, представший почему-то в образе его отца, помогает людям простым советом, так же, как помог сейчас ему, помогает таким же, как и он, людям, в жизни себя потерявшим. На следующий день, когда наступил рассвет, и солнце медленно выплывало из-за леса вдаль, старец, провожая отдохнувшего теперь путника, случайно забредшего к нему гостя, как и многие-многие другие, такие же ослепшие на время, он провел рукой по открывшемуся в сиянии солнечного света, завораживающе красиво раскинувшемуся перед глазами горизонту и сказал:

– Вот, теперь ты видишь все. Выбирай.

Посмотрев на ослепительно прекрасные, природой расписанные разных цветов деревья, цветы и травы, ошеломленный таким многообразием восхитительной природы, человек, неуверенно взглянул на доброго дедушку.

Он не знал, в какую же сторону ему пойти, чтобы прийти в нужное ему место. Казалось, не так уж и сложно, стоя в центре, в точке маленькой, самому являясь этой точкой, видя всю

картину целиком, теперь издали, выбрать направление, но как определить, какое из них верное?

– Не важно, куда пойдешь ты, важно с чем внутри себя пойдешь. Что внутри понесешь. Ведь тем и с другими поделишься. Обиду понесешь, уныние, недовольство, только это и сможешь посеять и сам в том будешь. Сынок, лучше радость нести.

Призадумался он, даже не заметил сколько времени простоял он в задумчивости, только когда снова вопросительно посмотрел на старца, его уже и след простыл, как будто и не было вовсе. Стоял он один, ни дома, ни старца. И вокруг степь, вся залитая ярким солнцем, такая приветливая с доносимым легким ветром ароматом цветущих растений. Улыбнулся человек и пошел. Он шел, уже сильно не беспокоясь, куда, просто шел и был почему-то необыкновенно счастлив.

Девушка

Девушка шла по вечернему городу, укутавшись в тёмный плащ, накинув капюшон. Воздух вечернего города был тёплым, не по-осеннему, но свежий от тонкого, несильного дождя, который нежно касался ее лица. Она шла неспешным шагом, раздумывая над своим прошлым, думая немного и о настоящем, и не заметила, как дошла до темна. Грусть в ее глазах затаилась, словно боясь, что вот-вот будет обнаружена, да только слез, изливающих эту грусть по капле, уже просто нет, нет их.

Неторопливо идя по мостовой, вдруг поняла она, что ей и бежать никуда не нужно, да и не к кому. Казалось, этот ком в горле от пережитых потерь давит и не даёт дышать спокойно, ей закричать бы, только голос вот уже несколько дней простужен. Она шла одна и никого не было вокруг, лишь лица редких прохожих иногда мелькали, как тени.

В этот вечер она вдруг почувствовала себя, услышала себя саму, поняла свою боль, смогла найти эту болезненную точку в своей душе. И пусть сейчас, в этом городе, этой дождливо-вечерней порой, она шла одна, вдыхая спокойно струи влажного воздуха, она все же не была одинока и временами ей даже казалось, что с ней говорят камни, небольшие камни, которыми была выложена мостовая, и они живее живых.

Не было вопросов уже, все, что были, растворились, исчезли, оставив лёгкий вкус очарования обманом, обманом кажущейся их сложности, но наступила так долго ожидаемая тишина в душе, наступила она так неожиданно, пусть лишь на минуту, на какое-то неуловимое мгновение, но спасительное, целительное мгновение. Фонари рассеивали свет в бесконечное пространство, поглотившее мерцающие частички света в струнах еле заметного дождя. И в свете фонарей ее тонкая фигура становилась более отчётливо очерченной.

Девушка дошла до середины моста, здесь словно середина ее жизни, жизни полноводной, разной. Шаг замедлив, она остановилась и, повернувшись, взглянула вдаль, дотронувшись до слегка мокрых от дождя перил. Перед ней открылись неописуемо красиво уносимые быстрым течением воды реки, реки широкой, глубокой. Первый осенний лист, желтый, сорвался и взметнулся вверх, во всепоглощающую бесконечную темноту.

Сколько секунд или минут можно смотреть на корабли, виднеющиеся там, вдали, пришвартованные на пирсе, и уже не чувствовать капли дождя на своем лице, неизвестно, но только этот миг здесь, сейчас, подарил ей будущее, в котором ей так хочется понять своё предназначение, придти к нему и придти вовремя. Да, грусть на лице оставляет след в виде паутинки едва заметных морщин, грусть от понимания того, что в пройденной половине моста она будто часть жизни оставила.

Там, за линией, за незримой чертой, остались те, кто дальше идти с ней больше не смог, там путь сворачивал, не дойдя. Там пришлось проститься мысленно с теми, с кем ей нельзя поменяться местами, как бы сильно она того ни хотела. Там остались те, кого она любила, но больше, видимо, Бог. Там остались те, кому верила, как себе. Эта точка поставлена ею в этом месте, на мосту, на его середине.

Она еще не понимала точно, что вдруг произошло с ней в тот момент. Она простилась здесь со своим прошлым, простила всех, кто сделал ей когда-то больно, простила себя за свои ошибки и, повернувшись, уходила в будущее, делая свои первые шаги, все еще касаясь железа перил.

Дальше ей, набравшись сил, идти нужно, продолжая жить, надеяться, верить и любить. Музыка теперь звучали капли дождя в ее сердце, помогая ей двигаться дальше.

Прощение

Работа отнимала половину жизни, и ей было непросто соотнестись с этим сумасшедшим ритмом жизни. Она – обычная женщина, такая же, как и миллионы в этой стране. Только все чаще стало казаться, что скорость жизни набирает обороты, а успеть за ней не хватает сил. Молодость не знает страха, стремится вперед, сметая все на своем пути. И порой, совершая ошибки, не особо утруждается над размышлениями, чтобы их увидеть, а затем, признав, постараться как-то их исправить. Все больше фальшивых улыбок и ложной доброты, но это принимается как образ жизни, показная доброжелательность, за которой спрятана невероятная бездонная, ненасытная злоба на всех в этом мире.

На работе им хочется получить больше денег, как и большинству теперь, в это время денег, когда за деньги продается улыбка, приветливое показное отношение и любовь.

И вот однажды на ее глазах развернулась интересная картина, невольным зрителем которой она стала. Столкнулись взглядами две ее коллеги. Одна постарше, вторая – молоденькая, недавно университет закончила, оттого наверное у нее было явное преимущество, так как в столкновениях такого рода она была гораздо более теоретически подкованной в силу своей профессиональной компетенции, психолог все-таки.

В тот момент, когда произошла конфликтная ситуация, были высказаны мнения, содержащие нелицеприятную окраску.

Связано это было с тем, что одна из коллег, Надежда, не имевшая, кроме житейского опыта, никакого психологического образования, была чересчур прямолинейна. Не знала она, что для того, чтобы выжить, тактика должна быть более продуманной, более сложной и хитрой, ведь на работе, как на войне. Не зря появилось выражение: «Перед лицом начальствующим имей вид придурковатый, дабы своим разумением не раздражать». Хоть в той ситуации и не было столкновения начальника и подчиненного, Надежде, однако, следовало вести себя более осторожно, о чем она и подумала, но было уже поздно.

Развернув наизнанку свои собственные мысли, она позволила себе высказывания, дающие не очень приятную оценку словам и действиям Ольги, коллеги-психолога, заметив ей, что в отношении одного и того же вопроса она имеет разнящуюся и кардинально отличающуюся друг от друга позицию, в зависимости от ситуации. Так называемое поведение хамелеона. Ольга была обижена и возмущена, ведь с ее точки зрения, совершенно нормально и допустимо иметь разную точку зрения в отношении одного предмета или вопроса.

Разница, выходит, лишь только в том, кто перед тобой. Какая в данный момент позиция выгоднее, удобнее, той и стоит придерживаться. Таково учение психологии, видимо. А Надежда – человек с простой, незамысловатой душой, как думает, так и говорит. Так вон оно как, оказывается, надо жить среди людей, подумала она позднее. Все, что происходило с ней в дальнейшем, научило ее надолго. В тот же вечер Ольга решила начать процесс обучения Надежды. Раз человек в психологии не разбирается, видимо, решила Ольга, я ей помогу. И перестала здороваться, для начала.

На следующий день Надежда пришла на работу и как обычно поприветствовала Ольгу, но в ответ звучала тишина. Она повторила еще раз, но снова молчание. Тогда она задала вопрос, понимая, что кабинет на работе у них все-таки один, а их в нем двое, да и люди все-таки, работать вместе, одна работа, как-то по-человечески хотелось бы. Но так как Ольга видела перед собой не начальствующее лицо, лицо не руководящей должности, то свое обучение психологии она решила продолжить.

Надежда, видя, что в буквальном смысле слова между ними выросла стена по несущественной, на ее взгляд, причине, обратилась за советом как раз к той коллеге, которая стремилась жить и все успевать, с которой у нее были теплые, дружеские отношения. Но вмешиваться

в этот конфликт она не захотела, да и не знала она, что подсказать. Разрешение должно было произойти само собой, судя по всему.

Но с открытой душой, с радостью или грустью, со всем, что там есть, со всей гаммой эмоций, жила Надежда и не разделяла жизнь на части, на работе и вне ее, оттого считала, что худой мир лучше доброй войны, как сказал Цицерон, была согласна с этим и не могла находиться в конфликте. Она купила небольшой подарок, сувенир и, придя на работу, рассчитывала как-то сгладить ситуацию, но с ней и не поздоровались. Она стала просить прощения:

– Прости меня, пожалуйста, что я вызываю в тебе столько неприязненных ощущений. Прости, что сказала тебе в лицо то, что думала, не пошла шушукаться за твоей спиной, а сказала тебе в глаза. Возможно, я не права, но я ведь готова выслушать и твою точку зрения, может быть, если я пойму, что не права, я сменю ее.

На что Ольга, выслушав, сказала:

– Мне неприятно с тобой здороваться. И общаться тоже. Поэтому честнее будет вести себя так.

– На человеке, пока он жив, нельзя ставить точку, Оля, я ведь не покойник, я – живой человек. У всех есть недостатки, ты ведь тоже не идеальна. Ведь пока человек жив, он может все исправить. Я высказала тебе свою точку зрения. Если она неверна, я готова изменить ее, только объясни мне, в чем моя неправота.

Ольга молча слушала, но было видно, что продолжать диалог не входило в ее планы, поэтому она решила закончить:

– Нет смысла, так будет продолжаться каждый раз.

– Прости меня, Ольга, что я родилась на этот свет такая, какая родилась. Прости, что так тебе неприятно и вызываю столько неприятных чувств, – сказала Надежда, поняв, что прийти к миру она исчерпала все существующие возможности.

А рука, достававшая подарок в виде купленного сувенира, тем временем остановилась, а затем вернула его на место.

Психология, видимо, очень сложная наука, подумала Ольга, Надежде ее никогда не освоить. О том, что творилось в душе Надежды, узнала позднее та женщина, которая так же как и она, живет обычной, простой жизнью и пытается все успеть. На вопрос, как быть, она пожалала плечами, сказав:

– Время рассудит, мы ведь не психологи. Что-то в этом мире не так. Кто бы нам подсказал?

Надо сказать, Россия многотерпеливая страна и женщины ее из поколения в поколение, на генном уровне, бесчисленным страданием своим укрепили характер, оттого терпение и выносливость в любых ситуациях всегда являлось спасением.

Но есть еще одна черта наших женщин – доброта. Теплом широкой своей души и добротой женщины могут растопить лед самого холодного сердца. И если частичка доброты, частичка света, пусть самая маленькая, живет внутри, она сделает все, чтобы дать возможность расчетливому уму отступить.

Прошло некоторое время, и эта самая частичка доброты, жившая в Ольге, позволила ей взглянуть на ситуацию с другой стороны, и она, переоценив сложившуюся ситуацию, повернула ее вспять. Примирение наступило. И скрепив его теплыми объятиями, Надежда и Ольга стали жить в мире. А это ведь самое главное.

Икона

Трудно понять, эта мысль возникла в ее голове спонтанно, сама собой, неведомым образом, или все-таки эта мысль была рождена ею. На многие вопросы, которые мучали ее и не давали покоя, ответ стал приходить во время молитвы. Рождение ответа происходило не в голове – в душе, на каком-то очень тонком уровне, когда мысль еще не сформулирована в слова, но когда есть точечное, мгновенное озарение, понять тогда ей было сложно. Та мысль, которая привела в действие целый ряд последовательно идущих друг за другом шагов, была рождена явно не ею, считала она сама. Она появилась готовой, словно данной кем-то.

Сильно волнуясь и переживая по поводу болезни папы и никак не желая принять своим сознанием, своей душой, что у всякого есть своё отведённое время, и оно рано или поздно подходит к концу, металась Настя в поиске чуда для него. Были бесчисленные вечера, когда с зажженной свечой перед иконой Богородицы, она стояла на коленях часами, читая Богородичное Правило, пытаюсь пережить, прочувствовать каждое слово и, произнося, не впустить в себя более ни одной мысли, кроме одной единственной, мысли о папе, о его исцелении.

Плакало ее сердце, плакала ее душа, и когда за окном шёл дождь, ей казалось, с ней плачет вся вселенная. Кто есть человек в масштабах вселенной, только он для нее родной человек, плоть и кровь которого была она, словно невыразимая часть этой вселенной.

Воспоминания тех лет, когда они жили вместе, были сотканы из их с папой поездок на разные красивейшие озёра, где они плыли на лодке рыбачить, как мокли под дождём вместе, потом приезжали и вместе чистили рыбу. Он научил свою Настеньку терпению и рассудительности. И был для нее самым настоящим гением. Сколько идей он сумел воплотить за одну свою жизнь, удивительно, но если призадуматься, обычному, заурядному человеку для этого понадобится несколько жизней. Из-за своей природной скромности, свои достижения он не рекламировал и не патентовал.

Многие из его изобретений появились потому, что он очень любил своих детей, вообще свою семью. Он был обеспокоен тем, что, приходя в вечернее время домой, его дети будут заходить в темную, пугающую квартиру и, чтобы избежать неприятной возни с выключателем света, он придумал некий механизм, автоматически включающий свет при открытии двери, дающий возможность любому вошедшему в дом в течение десяти секунд сориентироваться и спокойно включить свет при необходимости. Это касалось и некоторых других комнат в квартире. Удобная вещь, которая сейчас воспринимается, как нечто обыденное, а тогда, в детстве Насти это было нечто необыкновенное и впечатляющее.

Из необычных придуманных им идей особенно нравился ей механизм, бесшумно раздвигающий шторы при нажатии кнопки. Это были его фантазии, воплощенные в жизнь. Об этом знали и на его работе, где он отработал всю свою жизнь, и неслучайно его называли там местным Кулибиным: то, что было неподвластно многим, легко давалось ему.

Наточка, как он ее называл, довольно часто вспоминала невероятное множество поездок в лес за грибами и ягодами, ведь это был совсем другой мир, который казался ей тогда сказкой.

Все, к чему он прикасался, имело значение, и все, чем он занимался, увлекало его целиком, без остатка, оттого и плоды его усилий вызывали всегда восторг, для своей дочери он был победителем.

Папа был рыбаком до самой глубины своей души. И однажды Настя решила посвятить стихотворение этому его увлечению:

В весенний разлив родного Днепра
Пораньше встаёт, ни свет ни заря,
С удочкой за спиной спешит на улов

Азартный и бодрый наш рыболов.

В рыбной ловле он точно знает толк,
Изучил ее он вдоль и поперёк,
Хитрый мастер и очень умный рыбац,
Для него это искусство, не просто так.

Детство, папа, множество разных озёр,
Сколько времени прошло с тех пор,
Только помню также как сейчас
Наше озеро, лодку и блеск его глаз.

Там туманом над гладью прозрачной воды,
Словно тайной, окутаны чьи-то следы,
Это плывут осторожно, сквозь воду глядят
Лебедь с лебедкой и семь лебедят.

На восходе прекрасно слияние сил,
Зелень посох невидимый оросил,
Лес очнулся, и его лесное братство
Начинает в домах своих прибираться.

А на озере тишина, лучше всякого лекарства,
Незаметно пробуждается рыбное царство,
Мы немножко нарушим количественный его счёт,
Но так ведь и в жизни, кому-то не очень везёт.

Мне остался на память из детства запах, Запах свежей ухи,
сваренной папой.
Эти наши поездки в мир сказки и чуда
В сердце бережно хранить всегда я буду.

Потом он читал, и у него на глазах появились слезы, он улыбнулся, сказав, что ему никто и никогда не посвящал стихов. Поняла тогда Настенька, что оно ему понравилось. Она была счастлива. Этими воспоминаниями наполовину было заполнено ее существо. С мамой они были невероятно близки, поэтому вторая половина, безусловно, была заполнена ею, но как и у всех девочек, плотность отношений с мамой немного иная.

И хоть молитву перенимала Настя не от папы, несмотря на отсутствие каких-либо шагов в этом направлении с его стороны, довольно часто пыталась она так или иначе, мягко подвести к мысли о том, что нужно готовиться к причастию, что для этого нужно, пытаюсь раскрыть для него это священное таинство так, как она сама тогда это понимала. Но, видимо, ее знаний и убедительности было для него недостаточно или потому, что родителям сложно пойти вслед за своими детьми, ведь, как правило, наоборот.

Поняв, что ее попытки не увенчались успехом и все же будет лучше, чтобы не вызвать полное отторжение этой темы, сделать небольшую паузу. И она стала молиться за него сама, как могла. Не понимала она тогда, почему на протяжении молитвы периодами задыхалась, все внутри сжималось и воздуху было некуда войти.

Позже узнала Настенька из рассказа одного священнослужителя о его молитвенном опыте прочтения Богородичного правила, которое он проводил в уединении под руководством

старого монаха. Он рассказывал о соединении на краткий миг с духом того, кому молишься, а также того, о ком молишься. Поняла она, что ей было дано на мгновение почувствовать и побывать в состоянии папы, который был болен воспалением легких. Но успокоение не приходило, было море слез во время молитвы, был бурный поток, так она не плакала никогда раньше. Но тогда, в те мгновения, не понимала она еще и того, что с ней происходит, отчего это, почему.

Только закончив читать Правило, она осознавала, что совсем не чувствовала колен, а чуть позже, когда начинала их чувствовать, была такая дикая боль, которую телу перенести можно только в случае полного от него отключения.

Постепенно вырисовывался силуэт мысли. И вот однажды, посреди прочтения утреннего молитвенного Правила, мысль сложилась полностью. Нарисовать Икону. Икону Богородицы. С этого момента и началось все то загадочное и невероятное, что разгадать она долгое время не могла. Нарисовать Икону для исцеления папы. Но зачем? Можно ведь купить готовую, освященную. На этот вопрос ей еще предстояло самой себе ответить.

Живя в разных городах, почти за тысячу километров друг от друга, они общались по телефону. В один из телефонных звонков мама осторожным тоном, аккуратно, чтобы не испугать Наталочку, сказала, что нужно быть готовыми ко всему: состояние тяжелое.

Написать Икону нельзя просто по прихоти, по внезапному желанию. Настя стала много читать об этом, ей хотелось разобраться, понять, сможет ли. Для начала она решила купить дерево для Иконы, мысленно решив, что оно обязательно должно быть из липы. Она нашла его, купила. Вскоре появился эскиз в карандаше, но на этом она пока остановилась.

Утром, когда все домашние разошлись, она, оставшись одна, остро ощутила присутствие чего-то или кого-то еще в доме. Это жуткое чувство страха настолько захватило ее, что, казалось, парализовало тело. Кое-как совладав с собой, она решила, что то, что не видят глаза, возможно, было ее мистическим отношением к реальности. Но в то же время, выходя из комнаты, она осмотрелась по сторонам. И дальше где бы в доме она не находилась, чувство страха, вошедшее в нее, заставляло вздрагивать от скрипа пола, от непонятных звуков, доносившихся из противоположной части квартиры. Как будто она и эта неведомая сила ходим по кругу.

Приехав на работу, Настя нашла в интернете информацию о том, что необходимо выполнять и выполнять постоянно, что бы процесс написания Иконы проистекал правильным образом, не оскорбляя и не нарушая установленных Правил. Видимо, пойдя наперекор правилам, которых она на тот момент не знала, она вызвала недовольство каких-то высших, невидимых сил, поэтому все происходящее в квартире так сильно ее напугало, словно отталкивая от задуманного.

Ей стало известно, что необходим пост, Причастие святых Христовых тайн, а также разрешение священника в виде Благословения на написание Иконы, прочтение Канона всякий раз прежде, чем начинается работа. И самое главное, Икона, написанная с соблюдением всех Канонов, так и останется просто художественным произведением, если не будет по завершению освящена в Храме с прочтением над ней особых Молитв священнослужителем.

Вечером того же дня она практически бежала на вечернюю службу в Казанский кафедральный Собор Санкт-Петербурга. Волнение шло изнутри дрожью. И страх остаться непонятой, и чувство ответственности за то дело, которое так стремилось воплотить в жизнь все ее существо, все это двигало ею, не оставляя ни секунды на другие размышления.

По окончании вечерней службы, Отец Георгий молниеносно удалился, и ей не оставалось ничего другого, как пригласить его вернуться через охрану. Народ смотрел на нее со стороны, как на умалишенную... Но все же, выйдя к ней Отец Георгий посмотрел на Анастасию хоть и утомленным взглядом, но полным доброты и сочувствия. Она попросила благословения на написание Иконы, пояснив, что хотела бы написать ее с глубокой верой в то, что она поможет отцу в исцелении. Последовала продолжительная беседа, в процессе которой

батюшка подробно расспрашивал по поводу поста, Причастия, знаний относительно соблюдения довольно сложных Канонов. После получения ответов на вопросы, ей было дано благословение написать Икону, которая поможет отцу.

Так началось ее погружение в Мир чуда. Когда пишешь, художники знают, происходит отключение от существующей реальности, открываются двери в некий Мир, где есть только ты и постепенно оживающие образы из твоей головы, где исчисление времени отсутствует совершенно. В этом Мире ты бесконечно счастлив. Когда же началось писание Иконы, после прочтения необходимых Молитв, у нее было ощущение легкости руки. Происходило абсолютное погружение в Мир, заполненный святостью и Молитвенным пением, оно звучало безостановочно. И мельчайшие детали Лика Богородицы, и Лика маленького Иисуса Христа на Ее коленях словно и не ее рукой писались.

Для полного соответствия подлинной Иконе нашлась и иллюстрированная подлинниками Икон книга в нужное время и нужный час. Заметила Анастасия одно очень странное и в то же время крайне удивительное обстоятельство: до того, как было получено Благословение, Лик у Богородицы вышел немолодой, уже пожилой женщины, что Натю, несомненно, огорчило, однако, после полученного Благословения, каким-то невероятным, чудесным образом, в красках он видоизменился и приобрел добрые черты молодой, приветливой и все понимающей Богородицы. Глаза ее смотрели, словно живые, и безмолвно согревали своим тёплым светом. Вышла красивая икона, Настя смотрела на неё, только законченную, любуясь и наслаждаясь, думая о том, что если ей позволили ее закончить и, если так красиво получилось, она поможет папе, поможет, поможет...

Утром необходимо было ее освятить, так как вечерним поездом она должна была ехать к папе, на свою малую родину, в красивейший, небольшой, но очень дорогой для нее город, в котором она родилась. Освящение могут провести в любом Храме, подумала она, поэтому и направилась в ближайший, тот, который находился рядом с домом. Однако, каково было её удивление, когда оказалось, что в будний день служба происходит по особому расписанию и никого из священников уже нет. Время неумолимо шло вперед, а дело было не завершено до конца, и это сильно ее волновало. Настенька поехала в тот самый Собор Казанской Божьей Матери и, пока ехала, чувствовала, как какая-то часть ее летит впереди, вырвавшись из тела, желая ускорить материю. Но все в физическом мире подчинено законам, неподвластным вырвавшемуся невидимому «я».

Подобное произошло с ней еще раз, но об этом чуть позже. Примчавшись в Собор, она поняла, что буквально на считанные минуты прибудь позже, никого уже не застала бы, так как утренняя служба уже заканчивалась. Она подоспела на последних ее словах, после чего Отец Игорь благословил прихожан крестным знаменем. Со своей драгоценной Иконой, именно таковой она для нее была, стояла Анастасия в ожидании подходящего момента, чтобы подойти. Пока она везла ее, настолько бережно ее держала, аккуратно уложенную в пакете, что прохожие невольно расступались, словно понимая, какая там ценность, и давали пройти.

Она подошла к Отцу Игорю. Да, это был другой священник, и Настя была взволнована ещё сильнее, чем в тот раз, когда просила благословения. Она достала из пакетика свою Икону и попросила ее освятить. Отец Игорь взял ее в свои руки, сказав при этом:

– Что же вы ее вниз головой положили, так ведь нельзя.

– Нет, все совсем не так, она лежала у меня на дне пакета в горизонтальном положении. – успела сказать Анастасия.

Эта небольшая словесная дуэль, встревожила её ещё сильнее, стало ясно, что этот батюшка очень строгий. Но он взял Икону и ушёл в Алтарь. Его не было минут десять, и это была целая вечность. Она стояла в ожидании с ощущением, что над ней совершается суд, боясь, что она, сама того не зная, нарушила Каноны и ей вернут сейчас её работу с отказом. Но вот, наконец, из Алтаря вышел иерей, Отец Игорь, держа в руках дорожную для Натальи вещь. Пока

он не подошел, не знала она ещё, в ту секунду, могла ли она называть ее, эту вещь, это художественное произведение, этот рисунок, – Иконой. Подойдя к ней, Отец Игорь начал беседу, продолжая держать ее в своих руках:

– Где вы учились писать Иконы? – спросил он.

Настенька была удивлена его вопросом, но честно ответила:

– Нигде.

Этот ответ, видимо, удивил его не меньше.

– Как – нигде? – спросил он, обдумывая что-то дальше про себя. – Вы, что, сами Икону написали? – недоумевал он.

Внезапно ей пришла в голову мысль, что необходимо рассказать о полученном Благословении, рассказать о том, кем оно было дано и вообще с какой целью она взялась за это дело.

В глубине своего сознания появились путанные ощущения. С одной стороны, ей казалось, что, беседуя с ней, такой маленькой песчинкой в человеческом океане, ей была оказана большая честь, а с другой, было странное ощущение, что с ней разговаривают очень строго, как бы пытаясь в чем-то уличить, за что-то отчитать.

– Да. – ответила я.

Потом она размышляла над тем, что ответила слишком буквально, возможно от нее требовался ответ более глубокого осмысления. Ведь, по сути, писала не она, как ей казалось. Но в ту минуту она была слишком взволнована, поэтому просто не догадалась так ответить.

– Хорошо бы вам пойти в Иконописную школу, я ее сам заканчивал, правда, десять лет назад, но школа хорошая. А вашу Икону я освятил. Вот, – сказал он, протягивая ее, – пусть она поможет в исцелении вашего папы, для чего вы ее и писали.

Анастасия взяла Икону из его рук и, увидев, что она вся окроплена святой водой, почувствовала, что счастьем ее в это мгновение не было предела, так сильно она была обрадована.

Прежде, чем уйти, она успела задать пару вопросов по поводу иконописной школы. Из ответа стало понятно, что многие нюансы, которые необходимо знать, не прочесть в учебниках по иконописанию, только опытный Мастер, Наставник, сможет подсказать, рассказать и научить.

Уходила она из Храма с массой непонятных и понятных чувств, распознать, какие из них были радостные, а какие внутри словно поставили точку по завершении начатого дела, она тогда не могла. Но почему-то где-то там, на тонком плане, появилось очень странное, необъяснимое чувство, очень похожее на чувство ничтожности. Оно вошло в нее и больше не покидало. Почему, она не понимала. Ответ на этот вопрос мне предстояло найти.

Приезд Насти очень ждали, она это чувствовала, это невозможно не почувствовать. В то утро она ехала с вокзала на такси. Попросила не тревожиться в такую рань, решив, что взрослая уже, доедет и сама, и это было бы впервые, когда ее не встречал никто. Родительская квартира от вокзала в пятнадцати минутах езды. Но все же встретила мама, как всегда очень трогательно, с долгими объятиями и приятными приветственными словами.

Папа в этот раз не встречал. Он уже три дня лежал в больнице. И Настенька это знала. Состояние его было стабильно тяжелым. Теперь, когда она приехала и привезла свое Чудо, ей казалось, все потихоньку образуется и папа обязательно поправится.

На кухне они попили чай с пирогом, который мама испекла к приезду своей Настеньки, и поехали к папе в больницу. Пока они ехали мама рассказала о том, как утром, до того, как она приехала, мама звонила узнать, как папа себя чувствует, и папа неожиданно для мамы произнёс: «А дочка ещё не приехала? Что-то я за неё волнуюсь...»

Настю это несколько удивило, ведь всегда считалось, что она родилась под счастливой звездой, поэтому за нее никто и никогда особенно сильно, как ей казалось, не переживал, в особенности папа, как человек очень рационально мыслящий.

Приехав, они вошли к нему в палату, он пытался завтракать. Увидев их, своих родных и любимых, оставил, встав, пересел из-за стола на кровать. Настя обняла его, прижавшись к его худому, изможденному тяжелой болезнью телу. Он стал худым, тонким как ниточка, почти прозрачным. Из упаковки, не спеша, он извлекла, наконец, Икону – спасительницу.

– Всецарица, – сказала она, протягивая Икону папе, – она тебя спасёт.

Папа взял ее в свои руки, внимательно посмотрел на неё, и, не говоря ни слова, приложил ее к своей груди. Некоторое время подержав так, вновь внимательно, изучающе стал смотреть на неё.

– Красивая, – наконец, произнёс он.

Немногословный, но всегда очень точный в высказываниях, папа тронул тогда Настю невероятно. Она была очень рада, что Икона ему понравилась. Она вкратце рассказала ему о том, какой был проделан путь для того, чтобы сначала из простой деревяшки стать чем-то более важным, значимым, о своей вере в помощь ее, а теперь она попала к нему в руки. Папа мысленно проследовал за мной в моем рассказе.

– Заберите ее домой. – неожиданно произнёс он.

Этого Настя, конечно же, не ожидала, поэтому тут же наотрез, категорически заявила:

– Нет, папа, она останется здесь, и когда тебя выпишут из больницы, ты заберёшь ее с собой домой.

– Хорошо, – согласился он.

Через некоторое время пришла медсестра ставить капельницу, Наталью с мамой попросили выйти из палаты. Они вышли.

Пользуясь моментом, она попросила ручку и на оборотной стороне Иконы написала несколько молитв из Акафиста. Когда же они вернулись в палату, она почувствовала внутри себя необъяснимое желание прочесть весь Акафист Богородице, читаемый перед Иконой «Всецарица». В глубине своего сознания она понимала, что папа, как человек далекий от всех этих религиозных моментов, может воспротивиться и ему это не понравится, но как же она была удивлена, когда не услышала ни единого слова протеста.

Анастасия стала потихоньку читать. Он слушал и даже несколько раз перекрестился вместе с ними. Вообще сколько помнила Наталья, папа всегда говорил, что он атеист.

– Не верю, – говорил он, – ни в Бога, ни в черта. Верю в то, что глаза мои видят.

И оттого ещё более была удивительной эта картина, видеть, как папа, с совершенно искренним выражением лица осенял себя крестным знамением.

Когда закончили читать молитвы, как-то так само собой вышло, что Наталья с мамой поменялись местами. Мать, сидевшая на кровати, вдруг оказалась на стуле, где только что сидела дочь. Теперь Настя видела папино лицо прямо. И где-то внутри нее, в каком-то неведомом пространстве, вновь не ею рождённая, как ей показалось, пронеслась вихрем мысль:

«Здесь не в чем жить.»

Эта мысль напугала ее, ведь все подобные она гнала от себя, не позволяя ни одной секунде на обдумывание, боясь, что поверит, пусть даже на самую малость.

– Больше не будешь говорить мне, чтобы я мяса не ел? – вдруг спросил папа.

Да, действительно, два месяца назад Настенька сказала ему:

– Первое, что делали заболевшие люди раньше – прекращали есть мясо.

Хотя, по большому счёту, разумные люди просто не начинают его есть вообще по ряду очень весомых причин. Она тогда уехала, а папа, как оказалось, после тех ее слов, не смог съесть больше ни одного кусочка мяса. Так сильно впечатлили его эти слова.

– Нет, папа, – ответила она. – Теперь ты в таком возрасте, что должен кушать все, что просит у тебя твой организм.

Икона к этому моменту заняла почетное место на подоконнике, и в окно как бы смотрели Богородица с Иисусом. Папа смотрел на дочь, улыбаясь, затем неожиданно произнёс:

– Ты как Царица стала.

– Почему, – недоумевающая спросила Настя.

Но здесь вмешалась мама, пытаясь сгладить ситуацию, видимо, решив, что, сказав это, папа имел в виду что-то не совсем приятное. Однако, папа после пояснил, и все оказалось гораздо проще, чем можно было подумать. Вместо мысли с намёком на гордыню, тщеславие и прочие человеческие пороки, папа закладывал совершенно простую мысль.

– Волосы у тебя убраны так же, как на Иконе у Богородицы, – сказал он, – похожа.

Что-то в душе Анастасии в тот момент очень сильно смутилось. Никогда раньше, или в очень крайне редких случаях, папа хвалил ее. Он был очень добрым отцом, но не щедрым на похвалу. Поэтому доброе слово папы было ценнее тысячи слов похвалы других людей...

Через некоторое время он отправил их домой, дав задание по домашним делам, поскольку сам, будучи превосходным хозяином, был не в силах чем-то помочь своей жене, ему хотелось, чтобы, пока есть рядом кто-то родной, помогли ей как бы вместо него. Закрывая дверь палаты, Настенька на мгновение задержалась, взгляделась в лицо папы, на его румянец на щеках, на его спокойное выражение лица и, улыбнувшись ему, перекрестила его, после чего уже плотно закрыла дверь.

Они уехали с мамой на выполнение данного им задания и, когда вернулись домой, раздался звонок. Видя выражение лица мамы, Насте стало тревожно. Появились совсем печальные мысли. Как оказалось, звонили из больницы сообщить, что папе стало хуже. Мать и дочь поторопились к папе. И пока они ехали, с Настей вновь случился пережитый одним днём раньше полет какой-то невидимой ее части, по сути, самой главной части, судя по ощущениям, тот волнительный полет, когда время движения материальной части мира замедляет свой ход как будто, а некое невидимое «я» стремится вырваться вперёд, достигнуть желаемой цели.

Мать была за рулём и ехала в состоянии паники, как казалось, ещё медленнее. Но, наконец, они приехали, вошли в палату к папе и увидели его, бледного, даже скорее серого, под капельницей, возле него, стараясь помочь, были медсестра и доктор. Через некоторое время все вышли, оставив их наедине с папой.

Он лежал безмолвно, на лице его была тяжесть, как печать безысходности, дыхание его становилось все более шумным, вдохи более короткие, а оттого, видимо, и более частые.

Вдруг вновь в том неведомом Насте пространстве, где-то в глубине, стало слышно молитвенное пение, только чей это был голос, было неизвестно. Это пение звучало в ней и словно призывало присоединиться к нему. Настя попыталась что-то произнести и, видя беспомощное состояние папы, при этом не в силах ему помочь, почувствовала, как слезы начали застилать ее глаза, в горле появился ком, и она поняла, что не может произнести ни слова. Когда же она начала молитву петь, так, как пела на воскресной Литургии с другими прихожанами вместе, словно какая-то сила внезапно отпустила ее голос, к ней пришло успокоение, и пока она пела, было внутреннее ощущение правильности, уместности этого пения, а слова молитвы лились из нее легко, и больше не чувствовался ком в горле.

«Возможно, – думала потом она, – сть какое-то наше «я», которое имеет возможность и силу видеть дальше, видеть больше, только не все мы, похоже, готовы и в состоянии услышать и почувствовать это своё «я».

А ведь до этого она и сама не верила особо в подобное, когда слышала, это казалось ей небылицей, какой-то мистической историей для удержания интереса к себе, к своей персоне. Но там ей довелось почувствовать это самой. И тогда она поверила, что человек гораздо больше, чем простое физическое тело.

И все же она попросила маму, сидящую у изголовья папы, спросить у него, может быть, стоит остановиться, на что папа, до этого так и не произнесший ни одного слова, направил свой взгляд на маму и, набрав побольше воздуха в легкие, произнёс шёпотом:

– Пусть продолжает.

Успокоившись, Настя продолжила, уже не пением, и читала по памяти все молитвы, которые успела выучить к этому времени. Так как молитвослова с собой у нее не было, читала все, что знала наизусть к тому моменту. Пока она читала молитвы, держа папу за руку, мама поглаживала его по голове, по щекам, и, поправляя подушку, она тихонько спрашивала, удобно ли ему. Было видно, что ответить у папы вообще не осталось сил, но все же, преодолевая свою боль, тяжесть, он ещё раз, набрав воздуха полную грудь, все так же шёпотом, пытаясь сказать громко изо всех сил, ответил:

– Все хорошо.

Мать и дочь вновь поменялись местами. Мама пыталась нажимать точки на его ладонях, все-таки как доктор, она хорошо понимала, чем можно облегчить состояние тяжелобольного, тем более, когда-то прошла дополнительно курс обучения иглорефлексотерапии.

На некоторое время Настенька прекратила читать молитвы. Только вдруг дыхание папы стало нарастать в темпе, вдохи и выдохи становились более резкими и свистящими. Теперь она уже поглаживала папу по щекам, по волосам. На подоконнике все также стояла Икона Богородицы. И глаза папы могли видеть небо и образ Богородицы, которая смотрела на него спокойно, казалось, с участием.

Богородичное Правило полилось из Насти тонко и спокойно. Из глаз текли слезы, но они не мешали ей петь. И хотя всю свою жизнь папа был так далеко от Бога, противился даже размышлять на эту тему, время такое было, другое время, некому было взрастить это маленькое семечко веры, которое в нем все же было посажено его бабушкой, в эту сложную, тяжёлую минуту его жизни, он хотел к нему приблизиться и просил продолжать.

Настя с мамой не смотрели друг на друга. Это был бы непереносимый взгляд. Но впервые в жизни она слышала, как мама говорит слова любви, так много, так искренне. Нет, она и раньше слышала, как в шуточной форме или в виде благодарности за что-либо, мама говорила: «Я тебя люблю!», но эти слова, в ту минуту, были из самой глубины ее души, из самой глубины ее сознания. Эти слова невероятно сильно отпечатались в памяти Насти. Было удивительно присутствовать при этом.

В тот момент она постепенно начала понимать, что происходит. И, несмотря на то, что в своем сознании до приезда она не допускала ни малейшей мысли об уходе папы, в момент, когда была у его изголовья и пела молитвы, она приняла это как неизбежность, как нечто, уже решенное сверху. Но до самого последнего вдоха в ней жила вера в чудо.

Настя смотрела прямо в папины глаза и видела этот уход. Он хотел жить. Да, даже в таком изможденном теле, но он хотел жить до самой последней своей секунды. И, уходя, дыханием словно впитывал последние частицы материального мира, чтобы насладиться им до самого конца. Исчерпав все отведенные ему часы, папа со спокойным выражением лица, с полным пониманием всего происходящего, с мужественной стойкостью, без малейшей тени паники, не показав своей обеспокоенности, оставил этот мир.

Но Настя верила, что лишь этот, материальный, перейдя своей душой в бестелесное состояние. И когда прошло некоторое время, может быть, час, в своей голове она совершенно отчетливо услышала сказанное папиным голосом: «Вот и все». Этот голос звучал в ней, или это ее часть входила в некоторое пространство, где можно слышать, но не в обычном человеческом понимании.

Ей было трудно пока понять это, тем более, что до определенного момента своей жизни она никогда с подобным не сталкивалась. «Возможно, это мой разум, - думала она, - воспроизвел действительность, констатировал факт, но тогда вопрос лишь в том, почему голосом папы.»

Несколько лет назад она была очень сильно увлечена медитациями, шла несколько иным путем. Ей хотелось освоить технику медитации Кундалини, она увлеклась практикой Рейки,

дойдя до уровня Гранд-Мастера, увлекалась астрологией, нумерологией. Она считала, что заниматься некоторыми практиками самостоятельно, без инструктора, нежелательно.

В книгах, по которым она осваивала различные техники, об этом было вскользь написано, но она посчитала, что справится со всем сама. Ежедневно продвигаясь микроскопическими шагами, как-то, через несколько месяцев она выполняла медитативную технику «Кундалини». Сумев достичь определенной натренированности тела, ей удалось на короткое мгновение ощутить себя вне тела. Что она видела при этом своим внутренним взором? Выйдя за пределы своего физического тела, она увидела вдруг прямо перед собой светло-голубой цвет, это был цвет потолка той комнаты, где она проводила медитативную практику. Она поняла, что это была высота, на которую ей удалось подняться. Пусть это и продлилось буквально пять-десять секунд, однако, в этот самый момент, произошло то, что стало во многом определяющим ее дальнейший путь.

Она услышала голос. Это был мужской голос, спокойный, без выражения каких-либо эмоций. Он произнес фразу, как бы отвечая на все вопросы, на все мысли, которые буквально рывали ее изнутри на миллионы частей: «На все воля Божья».

Сказано это было отчетливо, отдельно каждое слово, как печать в память. Именно с того момента, с того дня, вся жизнь Насти словно сменила вектор направления движения. Движение к познанию себя и своих возможностей, движение на пути развития себя так или иначе, но через познание Бога.

Именно в тот период ей вдруг стало понятно, и эта мысль пришла к ней целиком, собранной, как единый пазл, что путей, возможно, миллионы, но все они ведут к одному и тому же. Вдруг поняла она, почему не стоит бегать по разным школам и традициям, почему необходимо продолжать движение, в котором находится твой Род. Ей стало совершенно понятно, где она, кто она, и каким путем должна двигаться дальше, являясь частью своего Рода, исповедующих Православие.

Мысль, вошедшая в ее разум, привела Анастасию к дальнейшим действиям довольно скоро. Постепенно, по мере своих сил и возможностей она стала осваиваться в забытом с детства мире, Мире Православия. Ей хотелось узнавать больше, настолько, сколько могла бы вместить в себя человеческая природа, при всех приобретенных слабостях. Сочетая получаемые знания с понемногу увеличивающимся практическим опытом, она двигалась к определенной точке. Жизнь помогала ей в этом. И, судя по всему, не только радостными событиями и обстоятельствами.

– Видимо, – говорила она маме, – человеческой душе необходимо взрастить в себе ростки духовности, проходя через всякого рода страдания, без которых невозможно достичь дна своей души, коснувшись которого человек делает, вероятно, толчок еще большей силы, после чего получает возможность совершить подъем на неведомую до этого высоту.

Начав рисовать, она совершенно не ожидала, куда приведет ее эта дорога. Да и не планировала ничего, кроме получения удовольствия от этого и в то же время принесения радости дорогим и близким ей людям. Она делала подарки в виде своих картин.

– Самый главный подарок для художника любого уровня это – эмоции, искренние и неподдельные, – говорила она как-то своей подруге, – которые испытывает человек, которому сделан подарок, а большего счастья мне и не надо.

Идя этим путем, год за годом, все же было бы слишком просто одарить ее такой способностью просто так. «Похоже, на все есть свой замысел» – думала она.

– Жаль, если человек видит эту жизнь, – размышляла она как-то вслух, приехав к маме, – как посетитель картинной галереи, который подошел к объемной картине слишком близко и, рассматривая ее небольшой фрагмент, пытается понять весь смысл.

Она взглянула на Икону. О чем подумала она в ту минуту? Подумала ли она о том, что помощи они так и не дождались, хоть и очень просили? Или о том, что стоит ли вообще верить? В чем была эта помощь? Была ли она вообще? Слышал ли кто-то нас там, на небе? Есть ли там вообще кто-нибудь?

Есть люди, которые не получив желаемое, впадают в уныние. Когда-то она мечтала стать врачом, как ее мама, ей казалось, лучше этой профессии ничего в мире нет. Но при всех стараниях Насте это так и не удалось. Прошло довольно много времени, пока она начала понимать, что неслучайно существует выражение, что не место красит человека, а наоборот. Не став врачом, не стала и унывать. На вопрос в своем сознании очень скоро она нашла ответ.

Она смотрела на лицо папы и в ней бушевала целая гамма чувств. С одной стороны, невероятная грусть, чувство невыразимой утраты и боль от невозможности повернуть все вспять, вернуть тот момент, когда папа вдруг заболел, как-то исправить все, направить события другим путём. . . Только обычному человеку это неподвластно. И она это ясно осознавала. С другой стороны, она почувствовала некоторое облегчение, видя разгладившееся лицо папы, понимая, что мучения, в которых он жил в последнее время, наконец, закончились.

– Ты знаешь, – говорила ей мать, – ведь он даже не мог нормально есть, оттого и похудел и дошёл до крайне истощенного состояния.

– Своеобразный пост, только в принудительном порядке. – произнесла в задумчивости Настя.

В то самое мгновение, когда минуту назад гладившие папино лицо и волосы руки, теперь прикрывали веки его глаз, потихоньку пришло к Насте понимание смысла всего, что произошло, для чего и во имя чего.

Некоторым верующим людям везёт особенно, им дано счастье идти дорогой вверх, на небеса, в обитель Бога, принеся покаяние в исповеди и пройдя через Таинство Причастия святых Христовых Тайн. Многим, но не всем. Папа же Насти, убежденный атеист до определенной поры, за год до этих событий каким-то чудом согласился первый раз в своей жизни пройти Исповедь и Причастие. Но после он почему-то разговаривать на эту тему категорически не желал. Молитвами, бесчисленное множество которых Настя, да и не только она, но и мама, как умела, главное искренне, от чистого сердца, направляли Богу, они вымолили право для папы, для мужа, прикоснуться к освещённой Иконе, получить частицу святости, проникнуться в неё духом своим и уходить под молитвенное пение в ее присутствии. Мы вымолили возможность самим присутствовать при этом уходе, прощаться и дать ощутить всю свою любовь, дать возможность быть в любви, слышать, как от твоего имени произносятся молитвы и уйти спокойно. Он покидал этот Мир в присутствии искренне, всем сердцем любящих его людей, в полном сознании и понимании всего происходящего. Разве можно было придти в уныние, осознавая всю важность произошедшего?

Только даже поняв это, Настя никак не могла найти ответы на свои вопросы: «Почему я? Если таким долгим и мягким путём меня ведёт Господь, то как-то я должна понять и то, зачем мне была дана эта мысль: нарисовать Икону?» Ответ был очевиден: во имя спасения ДУШИ папы. Ради спасения, о чем она так усердно молила, но не тела, а души. Через некоторое время это стало ей ясно абсолютно точно. Никогда раньше ей не доводилось видеть. Однажды услышав голос из тонкого, незримого пространства, теперь Насте было еще и показано.

Ее всегда удивляли люди с необычными способностями, но сама она к таким никогда не относилась. И хоть каждый из людей имеет свои способности, все же обычные они или нет, решает время. Ей вспомнились слова из песни, которую она очень любила в детстве:

А потом придет она.

Собирайся, – скажет, – пошли,

Отдай земле тело...
Ну, а тело не допело чуть-чуть,
Ну, а телу недодали любви.
Странное дело...

По традиции, на следующий день, после того, как тело отдано земле, принято приехать рано утром на так называемый «завтрак». И когда они приехали, Настя смогла видеть то, чего раньше никогда не видела. Над могилой, не касаясь земли, над местом, где находилась голова погребенного вчера отца, зависло прозрачное, подобное тепловому излучению без цвета, облако, которое переливалось в лучах солнца, и имело продолговатую форму в рост человека. Она поняла, это был папа, а точнее, это была его душа. Впервые в жизни она видела подобное, завораживающее, невероятно трогательное зрелище. Возможно, находясь в особом состоянии, человек становится открытым для неведомых вещей, срабатывает эффект неожиданности.

Все в ней было перевернуто с ног на голову, она не была готова потерять папу так рано. Для нее он ушел слишком рано, поэтому, возможно, находясь в таком довольно растерянном состоянии, она оказалась способной увидеть нечто большее, выходящее за рамки человеческого понимания.

Тем временем прошло девять дней. Утром, стоя на утренней молитве, уже закончив утреннее Правило, она обратила внимание, что небеса, в которые она обращала свой взор, свои молитвы и мольбы, доселе бывшие совершенно затянутые беспроглядным серым одеялом с редкой проседью, понемногу начали выглядывать своим голубоватым ликом, и где-то изредка просеиваются уже солнечные лучи. Она начала читать молитвы об упокоении души моего папы, который сегодня вот уже девять дней, как отошел от тела своего, от них физически, и о милости для него от Бога, как небо необыкновенно быстро расчистилось, сначала пропустив сквозь себя широкие, гигантские трубы – лучи солнца, а затем обволакивавшая серая завеса вмиг растворилась и, исчезнув, открыла светило, которое, осветив весь видимый ее взору небосвод, превратило его в самую настоящую солнечную купель, или, если сказать другими словами, солнечное море на небе.

Когда Анастасия имела дерзновение смотреть в это солнечное море, оно не слепило ее, а простирало к ней лучами своими золотую дорогу и, если бы она могла идти по этой дороге, она бы пошла, настолько красивым, золотисто-теплым и добрым казалось ей то море, которое было ей показано, но по всей вероятности не для нее сейчас предназначавшееся. А внутри себя по окончании домашней молитвы она почувствовала успокоение, словно чувства ее улеглись по своим местам, как бы давая ей понять, что все произошедшее произошло в свое время и все ее старания не напрасны, что они услышаны и приняты.

Успокоение за папину душу пришло к ней в это утро. А своей душой она, похоже, на краткий миг коснулась чего-то бесконечно святого и неописуемого словами. Она где-то читала, что при встрече с Богом, так ослепителен свет, что пронизывает все естество и поэтому лучше бы сразу совершить поклон, обняв руками свои колени, на которые ты упал пред ним и утрашиться смотреть на него, потому что свет этот и сияние настолько яркие, что могут ослепить...

Только Человеческая Форма, материальная, не рассчитана на подобную встречу, нашла она в другом источнике. Так может ли человек увидеть Бога?

Странно, но именно в тот период, в период ее по-настоящему горестных дней, состоялась встреча с человеком, в чем-то похожим на нее, но чуть более старшего возраста, более опытного, понимающего и знающего некоторые закономерности человеческой жизни лучше, чем она.

Это была женщина, звали ее Татьяна. Они долго с ней беседовали, не в силах остановиться, так как довольно редко случаются встречи с людьми верующими искренне, всей душой.

Именно эта удивительная встреча и общение с безумно интересным для нее человеком помогли Анастасии найти ответы на важные вопросы, которые ее волновали. Почему? Почему она? Почему именно ей было оказано свыше доверие и ответственность писать святыню, Лик святых личностей, писать Икону? Да, она рисовала, причем, не имея никакого художественного образования. Рисовать, писать, слова, по сути, не так были важны для нее, но заниматься этим она стала совершенно внезапно. Однажды, оказавшись в довольно трудной жизненной ситуации, просто взяла холст, кисти, краски и началось ее плавное погружение в особый мир, мир творчества, мир, где живет вдохновение, где происходит полное перевоплощение, пусть на некоторое время, где, как оказалось, стираются границы времени, и совершается полет в неизвестность, прекрасную неизвестность. В признании ее художественных работ она не нуждалась, поскольку изначально цели такой для себя не ставила. Но рост был очевиден для нее самой.

Иногда она задумывалась о том, для чего дана ей так неожиданно открывшаяся новая способность, но не найдя ответа, успокаивалась, думая, что конечной цели в бесконечно прекрасном мире творчества наверное просто не может быть.

Стать иконописцем ей никогда не приходило в голову. Однако, испытав за короткий промежуток времени невероятное множество разнообразных чувств, границы ее восприятия мира, как оказалось, расширились, пусть немного, но все-таки это произошло. Пришло внезапное понимание того пути, которым она должна идти. Оставалось лишь вернуться в Петербург и найти иконописную школу. Вскоре она на вернулась и жизненный путь ее был определен.

Поэма Яснозорька

1

Из простых людей, из села да в свет,
Он ростком тихонечко прорастал,
Там – раздолье, поле, дивный рассвет,
Там иное поставлено на пьедестал.
Там – воды озерной, прозрачной гладь,
Лес с малиной, душистыми травами,
Там девчоночки милой кудрявая прядь,
Дом, блинами где пахнет и ладаном...
Там, в деревне его, каждый встреченный – свой,
Что приветлив и скажет «Здравствуйте!»
От души, незатейливой и простой,
Он не чувствовал зла и опасности.
Утром на столе тёплый каравай
Из колодца чистая водица,
За окном льётся песня, в сердце наливай,
В поле чистом рожь колосится...
Синевой раскрашен утра небосвод,
Сон ухватится, только силится,
Он возьмёт узелок, книжку и идёт,
Вслед буренушки- их кормилицы.

2

День сменяла ночь, снова утро, поле,
Ветер, волосы вздымая, насвистывал,
Травушка зелёная, красота, раздолье,
Он все книжечку читал, перелистывал.
И мечталось здесь, и пригрезилось,
Сердце замерло будто в один миг:
Есть страна, где все, все совсем, как здесь,
Только больше там мудрости, больше книг.
Там звенит прогресс, там бушует страсть,
Мир огромный там, что ни день – событие,
Миша-Михаил он хотел все знать,
Он стремился к знаниям и развитию.
«Что ж, родная мама, я готов, пора!»
«Пусть, сыночек, Бог помогает судьбе!»
«Мамочка, родная, знаю, до утра
Спать не сможешь, верь, я вернусь к тебе!»
В небе звезды светят, сельская дорога,
Где-то слышен голос милой ребятни,
Мать глядела долго, стоя у порога,
Долго не погасли в доме их огни.

3

Рученьки сложила, сына провожая,
Все внутри – тревожный колокольный звон,

Город – мир железных дорог, путей, трамваев
Город – мир, в котором соблазнов миллион.
Кто сумел украдкой в сердце достучаться,
Сына кто сумел в город тот сманить?
В светлой голове золотой печатью
В мысль аккуратно вплёл тоненькую нить.
Где найти ответы? Сын лишь обернулся,
Помахал рукою ей в последний раз,
«Поезд ждать не будет, только б не обманулся,
Только бы огонёк в душе его не погас»
Двери отворила, в сенях свет, да скромно,
Сердце материнское знает лучше всех:
Нет прекрасней места родительского дома,
Где любовь и радость, где веселья смех,
Где родные люди, курочки, буренка,
Молоко парное, банька, пироги,
Братья озорные, маленькая сестрёнка,
Добрые соседи, свои все, не враги.

4

Поезд, проводница, хитрый глаз соседа,
Что взглянув на вещи, понял, кто паренёк,
Первый урок на память наш Михаил отведаль:
Близко держи врагов, но ближе – свой кошелёк!
Там, на перроне вокзала, лишь на мгновенье
Мысль к дому вернула, к матери и отцу,
Там тишина и наверно чай они пьют с вареньем,
«Может мое путешествие здесь подходит к концу?
Может быть, отступиться, что здесь, в этой столице?
Кто я? Не Ломоносов, не Менделеев, но я...
Очень хочу одного – я очень хочу учиться!
Нужно идти вперед, назад мне никак нельзя!»
Мелочь добратья найдётся, много ль на это надо?
Вот вдали показался заветный университет,
Смогли пережить ленинградцы голодные годы блокады,
«Я сильный и я смогу, я Толика сын или нет?»
Вскоре экзамены. Ночи, долгие ночи вокзала,
Что так приветливо Мишку нашего приютил,
До самого до утра, с учебником, времени мало,
Штудировал, занимался, все учил, писал и чертил...

5

Первый звонок, улыбки, счастье, радость на лицах,
В список студентов зачислен был парень наш, Михаил,
Годы летели быстро, яркие годы в столице,
Стал Михаил городским, но о селе не забыл.
Часто во сне на рассвете мамин голос и папа,
Словно вернуться во времени сына родного просят,
«Что же я весь в науке, не сын, а растяпа!

Папа косой в чистом поле сам уже травушку косит.»
Вещи собрать две минуты, вот и вокзал привычный,
Ставший таким родным когда-то этот вокзал,
«Ты извини, я думала, парень ты местный, столичный,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.